

Элизабет Гилберт
Самая лучшая жена

Elizabeth Gilbert

Pilgrims

Элизабет Гилберт

Самая лучшая жена

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва, 2016

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44
Г47

Перевод с английского Н. А. Сосновской

Гилберт, Э.

Г47 Самая лучшая жена / Э. Гилберт ; [пер. с англ. Н. А. Сосновской]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 288 с. — (Элизабет Гилберт).

ISBN 978-5-519-64451-8

Книга американской писательницы Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить» в одно мгновение покорила российских читателей. Она значилась в списке бестселлеров более года и стала абсолютным хитом продаж. Ее новый сборник рассказов «Самая лучшая жена» стал победителем престижной американской литературной премии и получил самую высокую оценку на родине автора и в мире. Гилберт верна себе. Герои ее рассказов находятся в вечном путешествии и вечном поиске — поиске себя и своего места в мире. «В чем смысл нашего пребывания на этой земле?» — главный вопрос, на который со свойственной ей тонкостью, умом и талантом отвечает Элизабет Гилберт.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)6-44

Copyright © Elizabeth Gilbert, 1997
All rights reserved

© Сосновская Н. А., перевод
на русский язык, 2009

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2009

© Оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2016

ISBN 978-5-519-64451-8

Паломники

* * *

Когда мой старикан сказал, что нанял ее, я хмыкнул:

— Девку?

Девку — и это притом, что совсем недавно баб на это ранчо не брали работать даже поварихами, потому что пастухи на них слишком часто пялились. Да и не только пялились. И даже на страшненьких поварих. И даже на пожилых.

В общем, я сказал:

— Девку?

— Она из Пенсильвании, — сказал мой старикан. — Работать будет хорошо.

— Откуда-откуда?

Когда про это узнал мой брат Кросби, он сказал:

— Если девка возьмется за мою работу, мне придется подыскивать себе другую.

Мой старикан зыркнул на него:

— Я слышал, что ты через перевал, что зовется «Голландской печкой», в этом сезоне ни разу не проезжал

без того, чтоб не заснуть в седле, а не спал — так книжки свои треклятые читал. Так что, может, тебе и вправду пора новую работенку приискать.

Он рассказал нам, что она как-то добралась в наши края из Пенсильвании на такой жутко задрипанной машине, что он таких отродясь не видывал. Пять минут она упрашивала его взять ее на работу, а он-то почти сразу согласился. Она даже руку согнула, чтобы он пощупал, какой у нее бицепс, но он щупать не стал. Сказал, что она ему сразу глянулась, с первого взгляда. А уж он столько пожил, что глазам своим доверял.

— Вам она тоже понравится, — сказал он. — Сексуальная, как кобыла. Симпатичная, здоровая. И крепкая.

— Тебе восемьдесят пять лошадей прокормить надо, а ты все считаешь, что кобылы сексуальные, — сказал я, а мой брат Кросби добавил:

— Уж такого секса у нас тут просто завались.

Ее звали Марта Нокс, ей было девятнадцать, и ростом она была с меня. Ноги полные, но не жирные, на ногах — ковбойские сапожки. Сразу видно, что новехонькие, самые дешевые в магазине и самые первые, которые она себе купила. Подбородок у нее был тяжеловат, и если он когда и двигался, так только тогда, когда у Марты двигались лоб и нос. А зубы такие, что их, можно сказать, было видно даже тогда, когда у нее рот закрыт. А главное — темно-каштановая коса. Висела посередине спины — толстая, как девичья рука.

Как-то вечером в самом начале сезона я танцевал с Мартой Нокс. Был выходной, и можно было спуститься с горы, напиться в стельку, позвонить по телефону,

постирать бельишко, подраться. Марта Нокс танцевать была не любительница. И со мной она танцевать не хотела. Это она мне сразу разобъяснила — несколько раз повторила, что танцевать со мной не станет, а когда наконец согласилась, не пожелала бросить сигарету. Сигарету она держала в опущенной руке, так что за эту руку я ее взять не мог. Ну а я держал в руке бутылку пива — для ровного счета, — так что она обнимала меня одной рукой, и я ее тоже. И хоть танцевать она была не любительница и со мной танцевать не хотела, но все-таки мы с ней стали медленно покачиваться, и у нас обоих одна рука была свободна, как у ковбоя на рудео, когда он скачет на быке, — он же правой рукой ни за что не держится. Марта никуда особенно не смотрела — только за мое левое плечо. Казалось, та девушка, которая сейчас не так уж плохо танцует со мной, была Марте незнакома и знакомиться с ней у нее большой охоты не было.

Мой старикан еще вот что говорил насчет Марты Нокс: «Она не красотка, но, похоже, знает, как себя подать».

Что верно, то верно — мне хотелось потрогать ее косу. Мне сразу захотелось потрогать ее косу, как только я ее увидел, а уж когда мы танцевали — захотелось особенно. Но я не стал этого делать и бутылку с пивом на землю не поставил. Уж не знаю, как там Марта Нокс умела себя подать. По-моему, никак не подавала.

Больше мы в тот вечер не танцевали и вообще потом не танцевали, потому что сезон был долгий и мой

старикан нас нагружал работой под завязку. Не было больше выходных на целый день, чтобы потанцевать и подраться. А уж если удавалось выкроить свободное время после обеда посреди тяжелой рабочей недели, мы все шли в барак и ложились спать. Засыпали быстро и крепко, а на койки укладывались, в чем были — в сапогах, как пожарные или солдаты.

Марта Нокс спросила меня насчет родео:

— Кросби говорит, это хороший способ покончить с собой.

— Лучше способа я не знаю, — ответил я.

Мы сидели с ней друг напротив друга у костра, сложенного из толстых сосновых сучьев, совсем одни, и выпивали. В палатке за спиной Марты Нокс разместились пятеро охотников из Чикаго. Они не то спали, не то просто лежали усталые и злились на меня за то, что я не помог им хорошенько прицелиться и подстрелить хоть одного из тех лосей, которые попались нам на глаза на этой неделе. В палатке позади меня стояли кухонные плитки, лежали припасы, два походных туристских матраса и спальные мешки — мой и Марты. Марта еще укрывалась одеялами из лошадиных шкур, и мы оба ложились спать в джинсах, в которых собирались ходить и на следующий день, чтобы джинсы за ночь не заледенели. Была середина октября, последняя охота в сезоне, и каждое утро, когда мы седлали лошадей, у них на губах висели длинные сосульки.

— Ты пьяная? — спросил я.

— Я тебе так скажу, — ответила она, — это жуть какой хороший вопрос.

Она посмотрела на свои руки. Руки у нее были чистые. Порезы там, ожоги — это ясно, но чистые.

— Ты ведь выступал на родео, да? — спросила она.

— Сколько раз! — ответил я.

— На быках?

— На необъезженных лошадях.

— Так тебя поэтому прозвали Смельчаком?

— Смельчаком меня прозвали из-за того, что в детстве я ногу тесаком поранил и не испугался.

— А на родео тебе хоть раз досталось по-крупному?

— Однажды попался мне один жеребец необъезженный. Ну я сразу понял: этот мне задаст жару. Он меня прикончить хотел, и к гадалке не ходи. В жизни я так не боялся лошади, как этого сукина сына испугался.

— Думаешь, он это понял?

— Понял? Как он мог понять?

— Кросби говорит, что с лошадьё самое важное — выяснить, кто главный.

— Это мой старикан так всегда говорит. А говорит он так, чтобы новичков попутать. Если бы лошади такие умные были, они бы на нас верхом ездили, а не мы на них.

— И Кросби так говорит.

— Нет. — Я еще выпил. — Так говорит мой старикан.

— Значит, тот жеребец тебя скинул.

— А у меня при этом рука в узде застряла, и этот сукин сын три круга меня по арене проволока у себя под брюхом. Зрители были в восторге. И конь тоже. А я потом в больнице почти год провалялся.

— Дай мне. — Она потянулась за бутылкой. — Вот бы и мне сесть верхом на необъезженную лошадь. Я хочу выступить на родео.

— Что от меня и требовалось, — сказал я. — Я должен был тебя уболтать, рассказав эту историю.

— Твой папаша тогда что, сбрендил?

Я не стал отвечать. Поднялся и подошел к дереву, на ветках которого висели седла, а повыше кое-что из еды — чтоб медведи не достали. Я расстегнул молнию и сказал:

— Лучше зажмурься, Марта Нокс, потому как я сейчас спущу с поводка самую здоровенную тварь в горах Вайоминга.

Пока я мочился, она помалкивала, а когда вернулся к костру, сказала:

— Это в духе Кросби.

Я вытащил из кармана жестянку с табаком.

— Да нет, — сказал я. — Главное, это в духе моего старикана.

Я постучал жестянкой по ноге, взял немного табака и стал жевать. Это была последняя жестянка, табака осталось совсем мало.

— Того сволочного жеребца мой старикан потом купил, — сказал я. — Разыскал хозяина и выложил ему вдвое больше, чем эта скотина стоила. А потом завел жеребца за кухню и пристрелил — в голову пальнул. А после закопал в навозной куче.

— Ладно врать-то, — сказала Марта Нокс.

— Только ему об этом ни слова.

— Черт, само собой. Ничего не скажу.